

На правах рукописи

Зейналов Роман Геннадьевич

**РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧАСТНОМ
ПРАВЕ В ПРИБАЛТИКЕ XIX в.**

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Научный доклад
об основных результатах подготовленной научно-квалификационной
работы (диссертации)

Москва - 2018

Научный доклад подготовлен на кафедре «Теория права и природоресурсное право» ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ)

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Сидоркин Александр Иванович

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент
Ивакин Виктор Иванович

Научный доклад размещен на официальном сайте ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ) www.mii.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В названии диссертации отражены два аспекта: история развития собственно частного права Прибалтики и оценка его развития в правовой мысли на фоне процессов систематизации и кодификации балтийского права середины XIX века. Хотя процессы кодификации частного права известны Европе уже начиная с XVIII века, однако так называемый период настоящей кодификации открывается только XIX веку.

Под территорией Прибалтики в диссертации имеется в виду три губернии: Эстляндия, Курляндия и Лифляндия, обозначаемые в правовых источниках и литературе как Остзейские. Территория современной Литвы, также относимой в настоящее время к Прибалтике, в XIX веке относилась к Западным губерниям Российской Империи, а потому к составу Прибалтийских губерний не причислялась и, кроме того, её развитие было обусловлено в большей степени польским правом. Поэтому в настоящей работе правовая система Литвы не рассматривается.

Вопросы развития юридической мысли в области частного права Прибалтийских губерний остаются по настоящее время в России практически не изученными. Главным фактором, препятствующим исследованию указанной проблематики, остается языковой барьер. Изначально сформировавшаяся научная среда Остзейского края как немецкоязычная всегда оставалась более доступной для европейских (главным образом, германских) исследователей, нежели российских. И хотя дореволюционная плеяда российских ученых, в том числе и выпускников Дерптской юридической школы, немало приложила усилий для познания сущностных процессов формирования балтийского права, однако эти исследования, в большей степени, есть генотип пандектной научной методологии, унаследованной дореволюционными российскими правоведами от их германских учителей. В силу всегда существовавшей политизации отношений России с балтийскими территориями исследования ученых преимущественно нацеливались на анализ позитивного права и избегали прямого анализа его содержательной рациональности, а тем более политико-правового анализа факторов, повлиявших на особенности становления и развития балтийского права.

По сути, концепция исследования балтийского частного права через призму процессов его кодификации, в русле общероссийской систематизации и кодификации права, предложенная еще С.В. Пахманом и А.Э. Нольде, оказалась господствующей для последующего времени, вплоть до современности. Однако в рамках этой концепции оказались совершенно неизученными ряд очень интересных явлений

в развитии балтийского частного права. Это относится, например, к конфликту сторонников правовой догматики и политико-правовой научных парадигм, наиболее ярко проявившемуся на примере процессов кодификации частного права Германии, но имевшему место и в балтийском частном праве, исторически вовлеченного в орбиту германского права. Оказались вне сферы научного изучения процессы легитимации балтийского национального права посредством римского, предпринятые Ф.-Г. фон Бунге. Открытым остается вопрос о масштабах рецепции римского права при кодификации третьей части балтийского права.

В то же время в последние годы европейская и балтийская историко-правовая наука сделали несколько важных шагов в сторону изучения указанной проблематики, но, опять же в силу разрыва научных связей между Россией и странами Балтии в 2000-е годы и языкового барьера они остались практически неизвестными для широкого круга российских исследователей.

Ещё в 60-е гг. XIX века русский юрист М.М. Михайлов указывал, что Российское государство сложилось через соединение различных народов, из которых каждый имеет свою особую историю, в том числе и историю местного права. Отсюда возникает необходимость изучения местных законов для правильного восприятия целостной картины российского права.

Указанные обстоятельства заставляют нас обратиться к данной проблематике с целью восполнения имеющихся пробелов научного знания.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы эволюции, как самого балтийского частного права, так и представлений юридической науки об этих процессах, ранее комплексному исследованию не подвергались. В трудах представителей российской дореволюционной правовой науки (А.Э. Нольде, С.В. Пахман) преимущественное внимание уделялось проблемам, связанным с систематизацией и кодификацией балтийского права, причем исключительно в контексте общероссийских процессов. Более детально исследовал историю формирования балтийского частного права А.Э. Нольде, посвятив этому вопросу специальный выпуск своего фундаментального труда по истории кодификации.

Особую группу составляют немецкоязычные работы балтийских правоведов, написанные в XIX начале XX вв. (Ф.-Г. фон Бунге, Г. Гюргенса, В. Гриффенхагена, Х.Х. Дабелова, В. Зеелера, Г. Луцау, К.О. фон Мадаи, О. Мейкова, И.Л. Мютеля, К.А. Ноймана, С.Р. Самсона фон Гиммельштирна, К.Э. Эрдмана, В. Цвингмана). Содержащийся в научных трудах указанных авторов системный анализ развития балтийского частного права позволяет нам совершенно по-новому

оценить сущность процессов, происходивших в балтийском праве XIX века. Наибольший интерес представляют труды Ф.-Г. фон Бунге, признаваемого основателем науки балтийского частного права. Следует подчеркнуть, что данные работы никогда ранее не были предметом специального научного анализа русскоязычной научной аудитории.

В XX веке, после распада Российской Империи, исследования в сфере истории балтийского права напрямую зависели от политических факторов. В период обретения балтийскими государствами (Эстонией, Латвией) независимости (1918-1939 гг.) научные исследования Г. Блэзе, Д. Гримма, А. Иландера, Л. Лесмента, В. Ныгеса, К. Шиллинга фактически продолжили изыскания балтийских правоведов XIX века.

В Советский период развития балтийских республик исследования истории частного права были фактически свернуты. Как редкое исключение можно отметить лишь курсы по истории государства и права отдельных республик Прибалтики (например, Ю.А. Егорова, В.Е. Калныня), в которых, в числе прочих, нашли отражение и отдельные вопросы истории частного права.

После 1991 г. в науке истории государства и права стран Балтии наступает новый этап развития. Отчасти в исследованиях прибалтийских ученых произошел возврат к той исходной точке в познании истории частнопредварительной проблематики, которая была достигнута их предшественниками еще в XIX веке (Т. Анепайо, Х. Сииметс-Гросс). Однако появились и работы, которые стали своеобразным прорывом в понимании сущностных процессов формирования балтийского частного права и совершенно новой оценкой балтийской правовой мысли XIX века (М. Лутс-Соотак).

Учитывая, что балтийское право и конкретно доктрина, даже после вхождения Остзейского края в состав Российской Империи, развивались более в рамках европейского правопорядка, чем российского необходимо обратить внимание и на труды европейских правоведов, в первую очередь, немецких. Для понимания глубинных процессов формирования балтийской правовой доктрины и законодательства в нашем случае исследованы как классические труды Ф. Вальтера, К.А. Вангерова, Ф. Макельдея, К.Ф. Мюленбруха, Ф.К. фон Савиньи, К.Ф.Ф. Синтениса, Ф. Стаеля, А.К.И. Шмида, так и других европейских авторов, в той или иной мере исследовавших эти вопросы (Й. Бадеровски, В. Гитерманна, Б. Дёлемайер, Ф.Б. Кайзера, Г. Кёблера, Д. Кирби, Ф. Кольбингера, Ч. Крафта, Э. Ландсберга, Д.А. Лёбера, Э. Лера, С. Лиллея, Р. Нурдквиста, Н. Рейха, М. Шермайера, Г. Шлосера, М. Шмекеля, Д. Штайнке, Г. Элберта).

Для уяснения политико-правовых тенденций, повлиявших на формирование научного правового мышления в XIX веке, исследованы труды М. Авенариуса, Ф. Виакера, Г. Данца, П. Карони, Х. Кётца, А. Уотсона, К. Цвайгерта.

Современные научные работы, выполненные в России, в большинстве своем фактически не затрагивают предмета настоящего исследования. Небольшим исключением здесь являются работы С.В. Кодана и С.А. Февралева, рассматривающих местное право Прибалтики в контексте его интеграции в правовую систему Российской Империи. Однако оба автора не идут далее выводов, полученных ещё А.Э. Нольде. Также совершенно отсутствует анализ оригинальных трудов балтийских правоведов, причастных как к формированию доктрины балтийского права, так и к его систематизации и кодификации. Таким образом, в настоящее время в данной сфере мы можем наблюдать лишь «пустынный ландшафт» современной российской историко-правовой науки.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования является система общественных отношений, связанных с развитием правовой мысли в сфере балтийского частного права в его историческом развитии.

Предмет исследования составляют:

- совокупность нормативных актов, иных источников XIX века в области функционирования балтийского частного права;
- факторы общественного развития, определявшие на протяжении XIX в. эволюцию балтийского частного права и его интеграцию в отечественную правовую систему;
- научные публикации (авторефераты, диссертационные исследования, монографии, материалы периодической печати, учебная литература), касающиеся развития балтийского права и связанных с ними вопросов.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационной работы заключается в исследовании процесса и основных тенденций развития балтийского законодательства в сфере частного права и представленной балтийской научной мысли XIX века об этих процессах.

Достижение указанной цели обеспечивается постановкой и решением следующих задач:

- проанализировать источниковую базу, регламентировавшую процессы становления и функционирования балтийского частного права;
- выявить и показать влияние политических, экономических и иных социальных факторов на процессы формирования доктрины и законодательства в сфере частного права.

Методологическую основу диссертации составляет совокупность научных методов познания. Диалектический метод позволил изучить процессы формирования балтийского частного права и представлений о нем как объективном явлении. Конкретно-исторический метод применялся для выявления уникальных черт, характеристик и особенностей, присущих балтийскому частному праву на всех этапах его развития. Социологическо-правовой метод позволил раскрыть взаимосвязанность факторов общественного развития с развитием правовых явлений. Сравнительно-правовой метод позволил путем сопоставления различных источников выявить особенности генезиса и последующего развития балтийского частного права. Формально-юридический метод применялся при анализе законодательного материала и теоретических концепций о сущности балтийского частного права. Хронологический и диахронный методы позволили определить основные (рубежные) точки отсчета в развитии представлений научной мысли о балтийском частном праве. Метод терминологического анализа способствовал определению правовых понятий, категорий и их значений в балтийском и европейском праве в контексте исследуемых источников. Формально-логический, методы индукции и дедукции применялись при формулировке выводов исследования.

Теоретической основой диссертации являются концептуальные положения общей теории права, науки истории государства и права, труды отечественных и зарубежных исследователей по истории отечественного и европейского права, в области философии, лингвистики дореволюционного, советского и современного периодов.

При написании диссертации использованы следующие группы источников:

1) Законодательство Российской Империи XVIII-XIX веков (Акты о подчинении Остзейского края Российской Империи (капитуляции) 1710 г.; именные указы Сенату о присоединении к Российской Империи отдельных остзейских территорий 1795 г.; Свод местных узаконений губерний остзейских 1845 г., Свод гражданских узаконений губерний остзейских 1864 г. и другие).

2) Европейское кодифицированное законодательство в сфере частного права XVIII-XIX веков (Всеобщее земское право для прусских государств 1794 г.; Французский гражданский кодекс 1804 г., Всеобщее гражданское уложение для немецких наследственных земель Австрийской империи 1811 г.; Кодекс частного права кантона Цюрих 1854-1856 гг.; Саксонское гражданское уложение 1863 г. и другие).

3) Местное балтийское законодательство в сфере частного права, действовавшее на территории Остзейских губерний на момент кодификации середины XIX века.

3) Проекты кодификации балтийского частного права XIX века, подготовленные Самсоном фон Гиммельштирном, Ф-Г. фон Бунге и другими балтийскими правоведами.

4) Делопроизводственные документы правительственных учреждений Российской Империи XVIII-XIX вв. из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА): 1) Фонд 1405 Министерства юстиции; 2) Фонды 1259, 1260 законодательных комиссий; 3) Фонды 1149, 1151 Государственного Совета; 4) Фонды 1341, 1364, 1374 Сената; 5) Фонд 1263 Комитета министров; 6) Фонды 1284, 1286, 1287, 1288 Министерства внутренних дел; 7) Фонд 1409 Собственной Его Императорского Величества канцелярии и другие.

5) Труды представителей российской, европейской и балтийской юриспруденции XIX-XX веков.

Эмпирическую основу исследования составили материалы фондов Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, Научной библиотеки Тартуского государственного университета, Баварской государственной библиотеки.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первой в современной отечественной науке истории права и государства монографической работой, посвященной комплексному анализу формирования представлений о доктрине балтийского частного права XIX века. Диссертационное исследование опирается на последние европейские и отечественные разработки в области истории права и государства, выявляет закономерности и тенденции развития научных представлений о процессах систематизации и кодификации балтийского частного права XIX века. В диссертации обосновывается гипотеза о том, что в ходе кодификации остзейского частного права середины XIX века его составителями под «прикрытием» римского права была произведена легитимация местного национального права для центрального российского законодателя.

Отличие проведенного исследования от других состоит в том, что:

а) впервые проведен комплексный анализ проектов систематизации и кодификации балтийского частного права XIX века;

б) впервые в отечественной историко-правовой науке проанализированы оригинальные научные труды балтийских правоведов XIX в. Ф-Г. фон Бунге, Х.Х. Дабелова, О. Мейкова и других;

в) исследованы основные тенденции развития представлений о формировании доктрины балтийского частного права представителей европейской научной мысли XIX – XXI веков.

На защиту выносятся следующие научные положения:

1. Кодификация балтийского частного права середины XIX века, несмотря на проведение её в рамках российской консервативной кодификационной идеологии, на самом деле стала примером отказа от устаревших, намеренно фетишизируемых центральным правительством источников кодификации как правовой архаики, в большинстве своем уже не имевших связи с реальностью.

2. Кодификация балтийского частного права 1864 г. породила два противоположных течения в балтийской юридической мысли: первое, считавшее кодификацию прогрессивным явлением «упорядочения» частного права и началом пути к дальнейшей его интеграции в общероссийскую правовую систему; второе – считавшее кодификацию разрывом балтийской науки частного права с общим правом *ius commune*, началом территориально-правовой изоляции, отрывом от платформы общеевропейского частного права (в первую очередь, немецкого).

3. Представляется некорректным проводить параллели между процессами индустриализации в Германии, послужившими толчком к окончательному отказу законодателя от главенства римских правовых источников в частнопровом регулировании и такими же процессами в Прибалтике. Наличие или отсутствие крупной промышленности в Остзейских губерниях в XIX веке вообще не играло никакой роли. Поводом для изменения прежнего регулирования послужила правовая нестабильность имущественных отношений, которая была связана с регулированием по принципам римского права, а также общеевропейская тенденция в развитии институтов частного права, в виду выхода на первый план принципа ценности труда.

4. Кодификацией балтийского частного права 1864 г. масштаб действия римского права (прежде основного источника в частнопровом регулировании) не только был ограничен чёткими границами закона, но и упразднено его прежнее значение в целом. Вместо продолжительного применения римского права на деле была осуществлена рецепция более современного общего земского права для прусских государств.

5. «Мнимое» главенство римского права в системе источников Свода гражданских узаконений остзейских губерний 1864 г. выполняло две функции:

- первая – легитимация Свода в глазах верховной власти Российской Империи, когда создавалось впечатление, что он покоится на принципах римского права, следовательно, он мог быть легче признан, чем свод законов, в котором встречались особые узаконения балтийского права в качестве источников. В отличие от «подозрительного» обычного права, римское право считалось законно действующим на основании подтверждённых императором привилегиях

и было, таким образом, для Остзейских губерний утверждённым Высочайшей властью правом;

- вторая - якобы активное использование римского права, которое могло в этой связи также использоваться и далее, легализовало дело составителей Свода 1864 г. среди местных практикующих юристов (именно они много и активно пользовались римским правом в докодификационный период) так как минимизировало общечеловеческий страх перед переучиванием.

6. Отсутствие сильного влияния Ф.К. фон Савиньи на составителей Свода 1864 г. объясняется тем, что и стиль и само построение «Системы современного римского права» мало подходили для такого рода компиляций. Также не нашла достаточных подтверждений и долгое время существовавшая гипотеза о влиянии учения Ф.К. фон Савиньи как в целом на остзейское правоведение, так и в частности на самого Ф.-Г. фон Бунге.

7. Установлено достаточно активное заимствование составителями Свода 1864 г. материала из работ балтийских правоведов, в частности раздел о заменимых и потребляемых вещах непосредственно заимствован из научного труда Х.Х. Дабелова «Handbuch des gemeinen Civilrechts» 1803 г.; положения о давности владения из трудов К.О. фон Мадаи. Однако не нашло подтверждения существовавшее в литературе мнение об активном заимствовании составителями Свода 1864 г. положений из работ О. Мейкова. Так, институт спецификации в Своде 1864 г. никак не соотносится с трудом О. Мейкова «Lehre des römischen Rechts von dem Eigenthumserwerb durch Specification» 1846 г.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена следующим:

а) оно является комплексным монографическим исследованием развития балтийской научной мысли в сфере частного права XIX вв.;

б) в исследовании не только прослежены основные этапы систематизации и кодификации балтийского частного права в исследуемый период, но и установлены причины и условия возникновения господствующих научных представлений об этих процессах.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в следующем:

а) содержащиеся в диссертационном исследовании выводы и положения могут послужить основой для последующих исследований по проблеме истории развития юридической мысли регионов, пользовавшихся в составе Российской Империи административно-правовой автономией;

в) результаты диссертационного исследования могут быть реализованы в учебном процессе при преподавании истории права и государства, а также различных спецкурсов в средних и высших юридических учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре теории права и природоресурсного права Российского университета транспорта, там же проводилось ее рецензирование и обсуждение. Основные положения диссертации докладывались на региональных и международных научно-практических конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Оренбург). По различным аспектам темы исследования соискателем опубликовано 5 научных работ, общим объемом 1,5 п.л., в том числе имеются 3 публикации в рецензируемых журналах, определенных в перечне ВАК Министерства образования и науки РФ.

Материалы диссертационного исследования используются в процессе преподавания в Юридическом институте Российского университета транспорта.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения и списка источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, цели и задачи, методология и методика, законодательная и теоретическая основы исследования, степень научной разработки проблемы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования.

Первая глава **«Особенности идеологии частного права в Прибалтике»** состоит из трех параграфов. В главе первой исследованы социально-политические и правовые факторы, повлиявшие на формирование представлений о сущности балтийского частного права. Поскольку на развитие частного права существенным образом повлияли процессы кодификации по всей Европе, то проводится оценка – как эти процессы соотносятся в Прибалтике с развитием европейской правовой мысли в целом.

В первом параграфе **«Юриспруденция Прибалтики: противостояние консервативной правовой идеологии и реформаторства»** основное внимание уделяется вопросам исследования этнополитического фактора в формировании правовой идеологии в регионах Рос-

сийской Империи, пользовавшихся определенной административно-правовой автономией. Установлено, что решение комплекса стоявших в XIX веке перед верховной российской властью политико-управленческих и нормативно-регулятивных проблем потребовало интеграции механизмов социального управления и правового регулирования автономных прежде местных правовых систем в имперскую систему государственного управления и права. Особенно остро этот вопрос встал в связи с работами по изданию Свода законов Российской Империи, как свода общеимперского действующего законодательства. У истоков изучения данной проблемы стоял М.М. Сперанский, подчеркнувший необходимость выделения и систематизации местных узаконений. Такая систематизация местных узаконений верховной властью Российской Империи, рассматривалась в качестве средства поддержания упорядоченности источников партикулярного права, и их согласования с общегосударственным законодательством. Кроме того, наличие систематизированного местного законодательства позволяло более оперативно корректировать его содержание с учетом политических интересов российской власти. Достаточно длительный период лояльности верховной российской власти к сохранению местной правовой системы в балтийских губерниях объясняется стремлением обеспечить геополитическую устойчивость Российского государства в целом. Решение проблемы устойчивого развития заключалось в соблюдении паритета между устремлениями сохранить самодержавную власть на всем социальном и территориальном пространстве Российской Империи и учётом в процессах поддержания вертикали самодержавной власти социальных и культурных особенностей населения национальных регионов и уровнем их государственно-правового развития. Диссертантом отмечается, что такой подход нашел полное отражение в идеологии российской кодификации императора Николая I и проектах кодификации балтийского права 30-х гг. XIX века. Кодификация не должна создавать новое право, но только систематизировать и собрать в единое целое уже действующее право, вот лейтмотив юридической мысли того периода. Такой подход олицетворял собой консервативную идеологию центральной власти, как блюстителя существующего порядка в противовес стремлению к реформам государственного порядка и права, выразившемуся в восстании декабристов.

Однако с середины XIX века меняется не только общероссийская идеология кодификации, но и политико-правовая принципиальная позиция в отношении к местному праву. Центральная власть, в лице императора Александра II, все больше склоняется к мысли об унификации законодательства Российской Империи в рамках задумываемых реформ 1860-х гг. В этих условиях реформаторские тенденции бал-

тийской юридической науки, наметившиеся в стремлении легализации национального права Ф-Г. фон Бунге, К.О. фон Мадаи и другими их сторонниками путем включения его в кодекс частного права, никак не вписывались в изменившуюся концепцию правовой идеологии центральной власти. Отражение этого скрытого противостояния консервативной идеологии и реформаторских устремлений наиболее ярко проявилось на примере кодификации балтийского частного права 1864 г.

Во втором параграфе **«Влияние немецкого пандектного права на основы частного права Прибалтики»** диссертантом указывается, что в научном исследовании источников частного права Прибалтики время, непосредственно после вступления в силу Свода 1864 г., в литературе характеризуется как «пандектизация». Впрочем, «пандектизация» частного права в Прибалтике не была каким-то новым, ранее неизвестным явлением. С точки зрения самой науки немецкого правоведения частное право Прибалтики, после его кодификации, теперь относилось к области партикулярных местных узаконений, и хотя оно и воспринималось как немецкое, но его содержание и положение едва обсуждались за пределами балтийских губерний. В этом смысле оно фактически оказалось изолированным от общего права и его научного рассмотрения.

Вместе с тем, до-кодификационный период развития балтийского частного права характеризуется совершенно иначе. Балтийское частное право и доктрина воспринимаются современными европейскими исследователями как непосредственные реплики с немецких первоисточников.

Однако, с точки зрения диссертанта, говорить о творческой составляющей немецкой догматической ортодоксии для балтийского частного права вряд ли имеет смысл ранее половины XIX века, поскольку новая научная линия, обозначаемая как пандектная методология, или пандектистика, в самой Германии получает развитие только во второй половине XIX века. Такое название она получила в честь одного из основных доступных источников римского права - Пандектов из «Corpus Juris Civilis» Юстиниана. В научной литературе распространено и такое обозначение, как *Begriffsjurisprudenz* (юриспруденция понятий, концепций).

Диссертант полагает, что новая система частного права должна была продуцировать совершенно новый правовой материал, когда новые нормы могут быть дедуцированы из имеющихся принципов, и даже новые концепции могут создаваться посредством комбинации или разделения уже существующих концепций». Весь этот процесс продуктивного развития права должен был совершаться как бы из-

нутри правовой системы за счет внутренних ресурсов формальной логики.

На закрытости правовой системы настаивали оба лагеря немецкой юриспруденции: и пандектисты, и германисты. Однако пандектисты настаивали на построении закрытой системы на фундаменте римского права, в то время как германисты пытались создать закрытую систему подлинно национального частного права. Диссертант отмечает, что дискуссия о «зарытой системе» самым непосредственным образом нашла отражение в балтийской доктрине частного права. Далеко не все балтийские юристы с одобрением восприняли эти идеи. В ходе анализа трудов К.Э. Эрдмана, диссертантом выявлено, что данный ученый рубежом, после которого балтийская система частного права была изолирована от прежде существовавшей традиции *ius commune*, непосредственно считал кодификацию 1864 г. и полагал, что кодификация направила балтийскую юридическую науку совершенно в новое русло, «внутренней комментаризации исключительно своего права». По мнению диссертанта, К.Э. Эрдман, сдержанно критикуя последствия кодификации для науки частного права Прибалтики, на самом деле, хотел немного большего. Он, как и некоторые другие балтийские авторы трудов по юриспруденции, например Ф. Серафим, мечтал снова объединить науку о провинциальном праве с наукой о немецком общем праве того времени. Практики и ученые балтийских губерний пытались сохранить связь с традицией общего права и противодействовали отрыву от развития общего права. К.Э. Эрдман и некоторые другие балтийские ученые, по мнению диссертанта, последовательно выступали против территориально-правовой изоляции. Они поддерживали течения немецкой пандектистики того времени и принимали в них непосредственное участие. Для них наука не была ограничена территорией или нацией.

Параграф третий **«Процессы систематизации и кодификации балтийского права как фактор влияния на правовую мысль»** посвящен анализу понимания процессов систематизации и кодификации юридической науки. Диссертант приходит к выводу, что кодификация балтийского права XIX в. это не только «техническая» сторона процесса, но и сущностная, которая выразилась в кардинальном изменении оценки юридической мыслью правовой традиции кодификационной системы, в центре которой теперь стояла кодификация как источник права, позитивность которого больше не определялась историческим значением.

Исследуя проблему влияние процессов систематизации и кодификации на развитие юриспруденции Прибалтики, диссертант полагает необходимым также дать представление о тенденциях развития

европейской юридической мысли оказавшейся несколько ранее ровно под таким же воздействием кодификаций конца XVIII – первой половины XIX веков. Подобный подход обусловлен тем обстоятельством, что балтийское право и конкретно доктрина, даже после вхождения Остзейского края в состав Российской Империи, развивались более в рамках европейского правопорядка, чем российского. С точки зрения диссертанта, европейская юридическая мысль XIX века приходит к выводу, что достаточность кодификации без дальнейшего действия прежних источников права является одним из самых основных следствий, которое несёт с собой любая кодификация.

Диссертант также считает необходимым особо остановиться на представлениях о процессах кодификации немецкой юриспруденции, как основного источника развития правовой доктрины Прибалтики. Диссертант отмечает, что для кодификации в немецкой правовой литературе XIX века имелось несколько определений, которые хотя и отличались по содержанию, но в результате имели аналогичные признаки: материальная законченность, языковая понятность и неизменная прочность. Истоки формирования отношения к кодификации в немецком праве восходят к концепции кодификации Меланхтона и Иеремии Бентама. Диссертант приходит к выводу, что характерные черты кодификации в немецком правоведении и немецкой правовой системе уже в XIX веке были сформулированы аналогичным современности образом. Как и в современности в XIX веке кодификация представлялась законченным процессом и как формально, так и материально обновлённым законодательным материалом. Наряду с кодификацией не должны были действовать никакие другие источники права, в том числе обычное право. Вследствие этого ликвидировалась неопределённость общеправовой традиции и в том числе достигалась всеобъемлющая понятность.

Обращаясь непосредственно к балтийской правовой доктрине, диссертант с достаточной уверенностью констатирует наличие существенных отличий в понимании процессов кодификации от своего первоисточника – немецкого права. Несмотря на мощное воздействие немецкой правовой доктрины в балтийском праве термин «кодификация» понимался совершенно по-другому. Анализ трудов Ф.-Г. фон Бунге, К.Э. Эрдамана, Г. Гюргенса позволяет диссертанту говорить о том, что балтийские правоведы XIX века подразумевали под кодификацией, «свод имеющихся узаконений». Они противопоставляли ей кодекс законов, который должен был быть «новотворчеством», а также должен был или мог содержать «иное» (право). Диссертант приходит к выводу, что мысли, высказанные представителями балтийской юриспруденции XIX века относительно кодификации,

практически совпадают с общеимперской установкой российского законодателя во взглядах на кодификационные процессы.

Глава вторая **«Обусловленность представлений о частном праве Прибалтики сущностью сложившихся его источников»** включает четыре параграфа. В главе второй исследуется статус источников балтийского частного права. Более конкретному анализу подвергнуты вопросы рецепции римского права как субсидиарного источника балтийского частного права. Исследован также вопрос влияния источников на доктрину балтийского права. Предпринимается попытка дать ответ на вопрос: «Является ли вторая рецепция римского права сознательным ограничением влияния такового на частное право Прибалтики?». Выдвигается гипотеза, что кодификация права в прибалтийских губерниях вызвала схожие изменения в статусе источников права, как и кодификации в других европейских государствах, и что римское право утратило свой прежний статус в качестве субсидиарного права. Для этого кратко рассматривается положение римского права до кодификации и положение римского права в процессе кодификации и относительно проблематики неурегулированных положений законом.

В первом параграфе **«Концептуальные проблемы системы источников частного права Прибалтики»** диссертантом обосновывается мнение о том, что вступление кодификации балтийского частного права 1864 г. в силу повлекло за собой изменения в правовом положении прежде существующих источников права, а также изменило отношение доктрины к праву и способам применения норм права.

В параграфе втором **«Первичная рецепция римского права и ее значение для формирования основных начал частного права Прибалтики»** диссертант пришел к выводу, что первичная рецепция римского права в Остзейских губерниях заключалась в перенесении конкретных правовых норм и институтов римского права на балтийскую почву, что позволяет охарактеризовать этот процесс как практическую рецепцию.

С точки зрения диссертанта кодификационные процессы балтийского частного права середины XIX века способствовали переводу рецепции в её вторую фазу – научную рецепцию, а научная рецепция, в свою очередь, развивалась в Остзейском крае благодаря двум опорам: университетскому образованию, в рамках которого расширяется преподавание римского права и в ведущем научном центре Остзейского края – Дерптском (Юрьевском) университете, и углубленному изучению римского права самими преподавателями, путем повышения квалификации в школе римского права при Берлинском университете.

В параграфе третьем **«Оценка вторичной рецепции римского права и критические подходы к ее результатам»** проведен анализ работ основоположника научной разработки балтийского частного права Ф-Г. фон Бунге. Диссертант приходит к выводу о том, что он со временем поменял свои взгляды. Однако это не была решительная и кардинальная смена, но смещение акцентов нельзя не заметить. Ф-Г. фон Бунге как профессор провинциального права выступал резко и решительнее против применения римского права, чем Ф-Г. фон Бунге как практик, городской синдик и ратсгер, который к тому же ещё надеялся принять участие в кодификационных работах. В своей первой научной работе, где он как приват-доцент и будущий профессор высказал своё мнение по этому вопросу, в рецензии от 1828 г., речь идёт лишь о незначительной рецепции. Римское право должно лишь «с большой осторожностью и ограничениями применяться». Его программа, написанная на основе рецензии в нескольких частях, принадлежит уже перу профессора провинциального права. Представляется понятным, что в этой роли Ф-Г. фон Бунге защищал «своё право» от «захватчика», римского права. Это относится также к программе для будущего свода, что могло заинтересовать немецкоязычную общественность. В целом желание ограничить объём действия римского права характеризует скорее более ранние работы Ф-Г. фон Бунге.

Торжественные речи Ф-Г. фон Бунге, подготовленные им в период занятия административно-управленческих должностей, составлены совершенно в ином ключе. В них он отмечал «практический вес» римского права, против чего он, в сущности, вёл борьбу. К этому периоду принадлежит также первое издание «Частного права Лифляндии и Эстляндии», где говорится об ограничениях рецепции римского права. Данный труд принадлежал Ф-Г. фон Бунге всё ещё как профессору провинциального права и был предназначен как для студентов, так и для практиков.

По-другому обстоят дела со вторым изданием, в котором Ф-Г. фон Бунге как практик выражает мнение, что римское право рецептировано целиком и применяется везде, где это не исключено. Хотя целевая группа этого пособия с большой вероятностью осталась та же, что и первого издания, взгляды автора изложены всё же иначе. Здесь можно отнести Ф-Г. фон Бунге к сторонникам применения римского права. Особенно по сравнению с отзывами, взятыми из рецензии на работу Самсона фон Гиммельштирна, находятся почти противоположными прежним его высказываниям.

В последующих более поздних научных трудах Ф-Г. фон Бунге высказывался скорее нейтрально, а его намерение ограничить римское право, похоже, больше продвинуло признание рецепции. Ранний

Ф.-Г. фон Бунге был настроен более воинственно к римскому праву, чем поздний Ф.-Г. фон Бунге. Прежде всего, это обнаруживается в различных высказываниях в первом и втором изданиях «Частного права Лифляндии и Эстляндии».

Диссертантом исследован вопрос в том, каким образом соотносятся высказывания Ф.-Г. фон Бунге, сделанные в его ранних и поздних научных работах, друг с другом и с деятельностью Ф.-Г. фон Бунге как автора кодификации провинциального частного права. Установлено, что Ф.-Г. фон Бунге в своей более ранней программе пытался ограничить первичную, усиленную рецепцию римского права. Однако в своих поздних работах, например втором издании «Частного права Лифляндии и Эстляндии», Ф.-Г. фон Бунге говорил уже о полной рецепции римского права частным балтийским правом. Это упоминание Ф.-Г. фон Бунге породило заблуждение ранней литературы о том, что его деятельность, как автора кодификации, стала причиной вторичной рецепции римского права.

В параграфе четвертом **«Исследование проблемы рецепции источников на примере некоторых институтов балтийского частного права»** диссертантом проведено критическое исследование утверждения представителей юридической мысли о второй волне рецепции римского права при кодификации середины XIX века балтийского частного права. Диссертант приходит к выводу, что большое количество ссылок на источники римского права в Своде 1864 г. находится, с одной стороны, в противоречии с утверждением Ф.-Г. фон Бунге в его программе, что содержание римского права в действующем праве остзейских губерний необходимо было сократить. С другой стороны, это изобилие соответствует характеристике имеющейся в литературе, согласно которой римское право пережило в Своде 1864 г. вторичную рецепцию. Одной из причин, почему о Своде 1864 г. говорят как о триумфе римского права, как раз является данное изобилие ссылок на римское право (если исходить из перечня источников или кинуть беглый взгляд на Свод). Но при более детальном анализе, оказалось, что нельзя говорить о триумфе такового. Свод 1864 г. содержит слишком много неправильных или неточных указаний источников.

В исследованных диссертантом частях Свода 1864 г. установлено большое количество указаний на римские источники, которые зачастую повторяют друг друга, частично не целесообразны или просто производят впечатление декоративного элемента. Также имеется избыток ошибочных ссылок на источники. Но если учитывать, что, как правило, хотя бы одно указание источника из нескольких, данных к статье, было целесообразно, то можно сделать вывод, что ссылки на источники были добавлены не совсем случайно. Отсюда диссертант

выводит проблему, которая требует дальнейшего исследования, «какая роль или функция была у ссылок на источники?»

Диссертантом также выявлено, что при составлении Свода 1864 г. помимо указанных источников было использовано множество неуказанных. При редакции текстов статей Ф.-Г. фон Бунге брал за образец, как зарубежные кодификации, так и предыдущие проекты кодификаций частного права, но преимущественно использовались учебники по римскому праву и другие хрестоматийные произведения. При этом, прежде всего, исходили из трудов более ранних авторов или более ранних законодательных произведений.

В прежней литературе в большинстве случаев Свод 1864 г. сравнивается с более поздними кодификациями, такими как «Кодекс частного права кантона Цюрих» (1853-1855 гг.) или Саксонским гражданским уложением (1863 г.). В исследованных разделах их влияние установить не удалось. Напротив, диссертантом установлено, что за образец и даже в качестве вспомогательного средства для редакции статей неоднократно бралась одна из самых старых кодификаций – Всеобщее земское право для прусских государств 1794 г. Последовавшие после него кодификации частного права, такие как Австрийское всеобщее гражданское уложение (1811 г.) и Code civil (1804 г.) не использовались в исследованных разделах. И потому из зарубежных кодификаций в качестве образца должно быть названо, прежде всего, Всеобщее земское право для прусских государств, которым также объясняется казуистическая приблизительность и словесный характер кодификации остзейского частного права.

Говоря о доктринальных источниках Свода 1864 г., по мнению диссертанта, должно быть подчеркнуто гораздо большее влияние местной доктрины частного права, например, Х.Х. Дабелова, К.О. фон Мадаи и О. Мейкова, чем отмечалось до того в предыдущих исследованиях.

Диссертантом также установлено, что при составлении Свода 1864 г. значительно активнее использовался проект 1839 г. Самсона фон Гиммельштирна, чем это утверждалось ранее у А.Э. Нольде. Прежде всего, А.Э. Нольде недооценил объем заимствований из проекта 1839 г. при составлении статей Свода 1864 г. Установлено также, что реальные источники статей (проект 1839 г.) в самой кодификации не названы, а вместо этого сделаны ссылки на римское право, обычное право или другие источники права.

В **Заключении** подведен итог проведенного исследования и сформулированы основные результаты, определяющие его научную новизну, а также теоретическую и практическую значимость.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в следующих изданиях:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Зейналов, Р.Г. Систематизация прибалтийского частного права середины XIX в. и её отражение в правовой мысли [Текст] / Р.Г. Зейналов // Юридическая наука. – 2017. - № 5. – С. 172 – 177.

2. Зейналов, Р.Г. Особенности идеологии частного права в Прибалтике в XIX в. [Текст] / Р.Г. Зейналов, Л.М. Зейналова // Юридическая наука. – 2017. - № 6. – С. 4 – 8.

3. Зейналов, Р.Г. Отражение в правовой мысли кодификации прибалтийского частного права середины XIX в. [Текст] / Р.Г. Зейналов // Мир юридической науки. – 2017. - №12. – С. 41 – 44.

II. Иные опубликованные работы

4. Зейналов, Р.Г. Особенности систематизации прибалтийского частного права XIX в. [Текст] / Р.Г. Зейналов // Перспективные научные исследования: сборник статей Международной научно-практической конференции. 20 декабря 2017 г. – Оренбург: АнтроВи-та, 2017. – С. 227 – 231.

5. Зейналов, Р.Г. Рецепция римского права и её значение для формирования основных начал частного права Прибалтики [Текст] / Р.Г. Зейналов, А.И. Сидоркин // Тезисы докладов Международной ежегодной научно-практической конференции «Новое в науке и образовании» Еврейского университета 11 апреля 2018 / сост. и отв. ред Ю.Н. Кондракова. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 43-44.